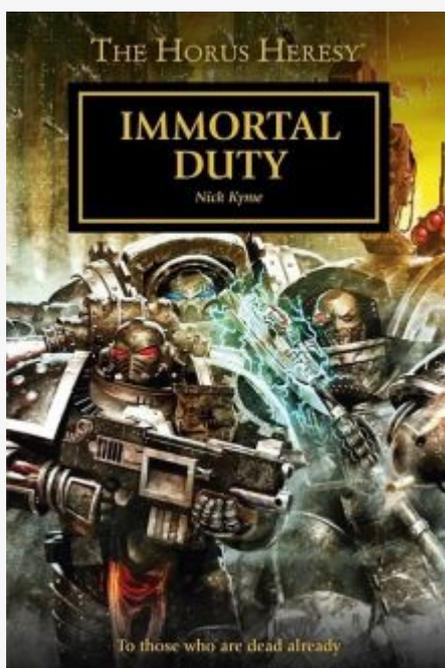

Бессмертный долг / Immortal Duty (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Бессмертный долг / Immortal Duty
(рассказ)*

Автор	Ник Кайм / Nick Kyme
Переводчик	Cinereo Cardinale
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Разбитые Легионы / Shattered Legions Рожденные в пламени / Born of Flame
Год издания	2017
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Я согрешил, и посему я должен искупить.

Я жив, когда я мёртвым должен быть, и посему я должен стать Бессмертным.

- Клятва Бессмертных

Стоя на коленях, я смотрю на палубу корабля. В ответ мне глядят искаженные лица моих братьев, застывшие в своих последних, мучительных мгновениях.

Меня зовут Арем Галлик, и я - Бессмертный, но в этот день я должен был умереть.

Это было мое право. Моя судьба, по которой я шел один задолго до полей нашего величайшего позора. Задолго до Исствана.

Холод колет кожу на загривке моей шеи, между чёрным адамантиевым горжетом и убористо стриженным скальпом угольно-чёрных волос. Поначалу я думал, что дело в атмосферной рециркуляции звездолёта, добавлявшей воздуху морозности, пока не понял, что это было лезвие топора, готовое к вынесению приговора. К счастью, кромка его осталась отключенной, иначе я, несомненно, был бы уже мёртв. Но зачем, в таком случае, наделять его актиничной остротой, когда простой замах и удар справятся с этой работой так же хорошо?

Логика. Эффективность. Сдержанность.

Скованные вместе, эти слова составляли наше кредо. Узы железа, в которые я всегда верил. Где был этот сплав в нашем отце, когда тот нуждался в нем больше всего? И опять, как это часто бывало в те дни траура и скорби, мои мысли обратились к меланхолии.

- Арем, - произнес из окружающих меня теней острый, как обнаженное лезвие у моей плоти, голос. - Расскажи нам.

Он использовал мое личное имя, данное мне вождем клана Гаарсак, и это раздражало мои уши. У него не было права использовать это имя.

- Я - легионер Галлик, из капитула примий, - ответил я с минимальным уважением. В то время всё это виделось мне бесполезной театральщиной.

- Что же, Галлик, - во второй раз произнес голос. В его тембре обнаружилось раздражение. - У нас есть вопросы. И ты на них ответишь.

Лезвие топора опустилось по нарастающей, разрезав мою кожу и выпустив каплю крови. Я видел туман от своего дыхания в холодном стоячем воздухе; чувствовал гудение импульсных двигателей «Стойкого», резонирующих с нижних палуб; слышал ежеминутную регулировку позы своего дознавателя в низком, хищном рычании его брони.

Я был спокоен, готов к окончанию своего долга. Своего бессмертного долга. Я слегка склонил голову в вежливой просьбе.

Мой дознаватель счел это знаком продолжать, коим оно и было. В каком-то смысле.

- Расскажи нам о «Ретиарии».

Имя этого судна разожгло огонь в моих венах, изгнав холод ангарной палубы, когда моему разуму напомнили о жарких залах, багровых и чёрных. Пот, кровь, смерть... всё это сшиблось в миг

обжигающего воспоминания. Оно нисколько не согрело замерзшую плоть смотрящих на меня боевых братьев, чьи широко раскрытые, мёртвые глаза неподвижно застыли в их отрубленных головах.

На мгновение я задумался, был ли выбранный способ казни символическим, насмешливым или просто отвратительно небрежным.

- Расскажи нам, что ты помнишь.

Я вспомнил огонь в верхних слоях атмосферы Исствана, и царящий в небесах ад. Но всё это было аморфным, всего-навсего впечатлением. Эмоциональным откликом.

Я оценил вероятность кары в случае, если признаюсь в этом. Предполагалось, что эмоции являются анафемой для Железного Десятого. Иногда мне казалось, что это относится и к самой жизни. Вместо этого меня поразило первое воспоминание. Оно было похоже на бронированный кулак, но звенело громом бортового залпа боевой баржи...

- Кровь Медузы!

Мордан редко предавался столь явным проявлениям эмоций, но наш путь к «Ретиарию» оказался неожиданно опасным.

Мои братья, запряженные в двойные челны штурмового тарана, разделяли его чувства, хоть и негласно.

Катус обоими кулаками сжал свой прорывной щит и прижал его к груди, как тотем. Бионический глаз в его правой глазнице вспыхнул из-за вызванной нервозностью автокалибровки.

Сомбрак стиснул зубы. Он был моим братом по щиту и делал так перед каждой битвой. Звук получался громким и диссонирующим, потому что его челюсть была кибернетической. Большинство из нас были заделаны на скорую руку, наши разбитые тела перестроили так, чтобы мы смогли в последний раз отправиться на войну.

Это был мой восьмой «последний раз». Судьба может быть настолько жестокой.

Азоф был последним братом, которого я хорошо знал, хотя всего в трюме находилось десять душ, закованных в медузийский чёрный. Скорость истощения наших рядов была прискорбной, и вскоре я уже не видел необходимости запоминать имена.

Из всех моих братьев, известных и неизвестных мне, Азоф был наиболее склонен к риторике. Когда нас сделали Бессмертными, наш отец лишил нас званий и титулов. Наше новое, перекованное призвание было символом позора для всех в нашем легионе, и мы потеряли свои старые личности.

Думаю, что Азоф был «*фратером феррум*» - железным отцом - до того, как впал в немилость. Там, где ему сняли серворуку, в его броне по-прежнему находились отверстия. Кем бы он ни был прежде, теперь он стал нашим сержантом.

Он воззвал к нам, ревя вопреки суматохе внутри трюма:

- Смертники! Наш строй ни разу не был сломлен. Будьте стойки. - Я услышал сервоскрежет его перчатки, когда он сжал рукоять своего громового молота. - Будьте решительны. Наше бесчестие требует от нас этого. Смерть ждет. Мы не страшимся её! Ибо что такое смерть?..

- Для тех, кто уже мёртв! - проревел я в унисон со своими братьями.

Старый Азоф умел обращаться со словами. Думаю, его мне будет не хватать больше всего.

Зазвучали предупреждающие клаксоны, совпав по времени с приливом багрового света, затопившего потолок над нами. Мы были близки, но не было никаких гарантий, что мы достигнем «Ретиария» невредимыми.

В пустоту выпустили более тридцати штурмовых таранов, все они управлялись медузийскими Бессмертными. Я сомневался, что даже половина из них сделает это беспрепятственно.

«Цест» - прочное судно, специально приспособленное для этой задачи. Он был очень быстрым, но суммарный оружейный огонь, извергавшийся между двумя большими судами сквозь бездну космоса, оказался слишком интенсивным.

Большие массивы пустоты разделяли «Горгонеску» и «Ретиария», окутанных беззвучными взрывами, похожими на иссеченные туманности, и огромными облаками быстро рассеивающейся шрапнели. Для нас, на борту нашего крошечного штурмового тарана, это было долгое и опасное путешествие. Но для этих двух великих гигантов такое расстояние считалось близким.

В то время как наш корпус содрогался от каждого столкновения, инерционные подавляющие зажимы удерживали нас в устойчивом положении. Я закрыл глаза и представил себе пункт нашего назначения.

Я видел «Ретиария» прежде, во время Великого крестового похода. В те времена это было уродливое и неповоротливое судно, вполне соответствующее своим свирепым обитателям. Его бока были окрашены лазурным и грязно-белым, в подражание боевой броне легионера. Тупоносый и покрытый мускулами из отсеков истребителей и аблятивных бронепластин, он напоминал борца, принявшего форму корабля.

Я почувствовал, как корпус «Цеста» содрогнулся от удара, словно стеклянный кулак ударил в челюсть из стали. Если бы не яростно палящие магнамелты, размягчавшие грозную кожу «Ретиария», мы бы в мгновение ока разлетелись обломками.

Но поскольку они были, мы вонзились глубоко. У нашего стеклянного кулака имелись надкрылья, разрезающие внешнюю плоть куда большего судна.

Мы прорвались, окруженные улетучивающимся облаком железистого дыма, наш маленький штурмовой таран пробурился через корпус звездолёта и надежно закрепился на месте. Высадившись в тёмном, наполовину освещенном ангаре, у нас было мало времени, чтобы сориентироваться, прежде чем прибыли противобордажные команды, чтобы попытаться отразить нашу атаку.

- Сомкнуть щиты!

Азоф проревел приказ, но мы уже и так начали строиться.

Это была архаичная тактика, напоминающая о романиях и греканцах Старой Земли, но она была эффективной. На войне многое остается неизменным, и, когда мы пробились на судно, которое, как мы когда-то считали, принадлежало нашим союзникам, из всего этого на первом месте в моём сознании встал братский конфликт.

Но на этой палубе мы столкнулись со смертными бойцами, а не с нашими бывшими братьями по оружию, Пожирателями Миров.

Энергичный, решительный обстрел ударил в нас первым, жаркий лазерный огонь изливался с ломанных огневых линий поспешно собранными орудийными командами. Мы держались, поглощая их огонь, принимая всё, что они обрушивали на нас, не дрогнув. А затем мы пошли вперед, двигаясь как один, эгида наших прорывных щитов была непроницаема для отважных мужчин и женщин, пришедших остановить нас.

Несмотря на очевидное отсутствие преимущества, смертные солдаты «Ретиария» пошли в рукопашную. Ещё три штурмовых тарана ударили в эту секцию корабля, и все четыре отделения объединились прежде, чем бойцы ударили по нам. Их пулевое вооружение и тяжелые булавы оказались фатально неэффективными.

Слабый импульс их атаки был рассеян, когда они разбились о нашу стену щитов, и мы поглотили это воздействие, после чего вернули его в десятикратном объеме. Медузийские боевые клятвы резали воздух столь же чисто, как и любой клинок.

И почти столь же смертельно.

Смертные дрогнули пред нашей яростью и кажущейся нерушимостью.

Я смял своего первого противника, позволив крови из его разбитого черепа забрызгать мой щит, прежде чем прикончить его. Мне потребовалось сделать всего один шаг, и вот я уже несусь вперед вместе со своими бессмертными братьями. Второму я прострелил скулу, его лицо растворилось в дымке, когда взорвался масс-реактивный снаряд. Я врезался в третьего, разбив ему ребра. Четвертый от нашего наступления упал передо мной, и я рассек ему горло краем своего прорывного щита, едва заметив кровь, омывшую мой бронированный ботинок.

Наша цель сделала нас безжалостными. Блокада вокруг верхних слоев атмосферы Исствана не позволяла X легиону добраться до своего отца, и «Ретиарий» был лишь одним из судов, стоящих на нашем пути. Наша миссия была проста. Приказы наших железных отцов – предельно ясны. Уничтожить корабль любыми доступными средствами. Если это означает, что нам придется умереть, то так тому и быть.

Неумолимо и неизбежно мы разгромили контратакующие силы «Ретиария». После чего вырезали оружейные команды, а затем – матросов, пока не убили всех членов экипажа в поле зрения. Это был бесславный, но необходимый поступок.

После этого мы нарушили строй, чтобы быстро нейтрализовать остальных. Палуба была скользкой от вражеской крови, но разглядеть её в тусклом свете было проблематично.

- Где мы? – спросил Мордан.

- Думаю, в кормовом инжинериуме, – ответил я. Я немного знал о планировке судна, поскольку оно придерживалось существующей схеме экспедиционного флота. – В одном из меньших ангарных отсеков, близ внешней обшивки судна.

Ангар, относительно небольшое помещение с низким потолком и простыми палубными плитами под ногами, использовался для размещения разносторонней, малой заградительной авиации «Ретиария». На данный момент он был свободен от звездных истребителей и штурмовиков, Пожиратели Миров бросили их все в схватку с судами Железных Рук, пытавшихся прорвать блокаду. Вместо них узкое пространство заполняли такелажники и загрузчики боеприпасов. Такелажные цепи свисали с верхних шкивов, слегка покачиваясь из-за битвы. Было душно, из отверстий в стенах струями вырывался пар.

Всеобъемлющее, животное тепло покрыло все поверхности тонким слоем испарины. Стояла вонь.

В моем ухе затрещал вокс-передатчик. Общий канал. Как и ожидалось, через пустую статику донесся голос брата-капитана Удриса с «Горгонески».

Азоф доложил ему, что мы успешно проникли на борт и двигаемся вглубь судна. Сопротивление было минимальным.

Мы все знали, что это скоро изменится.

- Блокада? - спросил Сомбрак, когда Азоф закончил получать приказы с «Горгонески».

- Всё ещё цела, - ответил Азоф. - Мы узнаем, если это изменится. Эти залы заполнит огонь, стены разрушатся, а нас выбросит в пустоту. Пока что они держатся. Поэтому мы должны разбить их. Внизу под нами умирают Авернии, братья.

- Хотелось бы мне стоять подле Горгона в последний раз, - склонив голову, произнес Катус.

Азоф хлопнул его по плечу рукой в перчатке. В голосе бывшего фратера чувствовался скрытый гнев. Он мог быть направлен как на развернувшееся на Исстване предательство, так и на лишение его звания. Или же и на то, и на другое одновременно.

- Да, Катус, как и мне. Но у нас своя судьба, и свершится она здесь, на борту «Ретиария».

Мы двинулись дальше, оставив мёртвых гнить в тепле.

Как только экипаж мостика обнаружил наше вторжение, на «Ретиарии» заблокировали переборки и запечатали все взрывозащитные двери, стремясь запереть нас в не жизненно важной части корабля.

Пока два моих брата с лазрезаками занимались вскрытием взрывозащитной двери, ведущей к ангару, остальные заняли оборонительное положение. Азоф отозвал меня в сторону. Настроение его было мрачным.

- Ни слова от других отделений, - сказал он мне. - Кунэда, Воррус, Хаккар... - Он покачал головой. - Вылетело тридцать три штурмовых тарана. На данный момент мне известно лишь о четырех, достигших «Ретиария», и все они находятся в этом ангаре. Как далеко инжинериум?

- Он относительно близко, - ответил я, эйдетически вспоминая схемы, - но прежде чем мы достигнем его, нам придется пройти через лабиринты тоннелей и комнат, лежащих за этими дверями.

Азоф кивнул, глядя скорее в мою сторону, чем на меня, как будто я только что подтвердил что-то, что он уже и так знал своим нутром. Следующие слова он произнес со смирением:

- Эта миссия с самого начала была самоубийством...

Из всех Бессмертных, кого я знал и с кем сражался рядом, Азоф, казалось, меньше всех жаждал смерти ради восстановления своей поставленной под сомнение чести. Или, возможно, смерти с ощущением того, что его честь *по-прежнему* под сомнением. Азоф был таким же храбрым, как и любой легионер Железных Рук - в том числе благородные Авернии - но я подозревал, что его пылким желанием было вернуться в ряды железных отцов, прежде чем пасть в бою.

Но сейчас мы были призраками, все мы, наша честь для нас столь же бесплотна, как дым. Мы согрели, и посему должны были искупить. По крайней мере, так гласила клятва.

Ведущая из ангара взрывозащитная дверь поддалась, с оглушительным лязгом рухнув на палубу по ту сторону прохода.

Ещё больше мрака и кровавой тьмы. Изнуряющая жара, ещё более ощутимая, чем прежде, ударила нас подобно кулаку. Пульсирующее гудение из соседнего инжинериума было оглушительным. Палуба под ногами дрожала от громоподобной канонады бортовых залпов, а стены сотрясались от вибрационной отдачи. Нефтехимическая вонь смешалась с резким послевкусием недавно разряженных лазерных батарей, поднимавшимся с нижних палуб.

На войне звездолёт был настолько же жестоким полем боя, как и любое другое, но «Ретиарий» снискал себе дурную славу за свою суровость.

Воины в силовой броне, атаковавшие нас из пропитанных испариной теней, были тому доказательством.

Первая кровь досталась Пожирателям Миров.

Облаченные в потрепанную боевую броню, украшенную шипами и заклепками, сыны Ангрона выглядели достойными своего имени. Кровь и грязь пятнали их, придав внешнему виду дополнительной свирепости, в которой тот не нуждался. В их дыхательных решетках пузырилась пена, в воздухе запахло лихорадочным потом. Свирепые, рычащие, безжалостные – я видел животных, напавших на нас из теней, но не людей. Их воинская удаля была устрашающей, даже для нас.

Незнакомый мне Бессмертный закричал, его рука со щитом безвольно повисла, когда ему разрезали уязвимый плечевой сустав, разорвав находящиеся под ним сухожилия. Второй удар прошел от левой ключицы до правого бедра. Преодолев инерционное сопротивление, обе половинки тела разъехались, и мой брат развалился на палубе.

Выстрел из плазменного пистолета в упор испарил голову ещё одного медузийца, отреагировавшего слишком медленно. Ещё троих в передних рядах жестоко выпотрошили. Цепные клинки – мечи и топоры – зверски рычали.

Словно животное, внезапно осознавшее, что его ранили, мы отпрянули. В первую очередь мы перекрыли брешь в двери, удерживая наших врагов на расстоянии, поэтому они не смогли проскользнуть и окружить нас. А затем мы дали отпор.

Решительный натиск, в равной мере опиравшийся на медузийские упорство и выдержку и прочность наших прорывных щитов, позволил нам занять плацдарм в первом участке коридора, находившегося за взрывозащитной дверью. Наш враг поддался нам, беспрепятственно уступив территорию, однако после пресекал любые попытки дальнейшего продвижения своими свирепостью и численным перевесом.

Сосчитать их всех было невозможно, но я насчитал врагов вдвое больше нашего числа, столпившихся в лежащем перед нами лабиринте коридоров. Мы прорвались, все легионеры нашей отринутой роты, а затем сыновья Ангрона набросились на нас ураганом мечей.

Горячие искры гневно разлетелись от края моего щита, когда тот повстречался с картаво рычащим цепным клинком Пожирателя Миров. Мой противник не носил шлема, являя миру сморщенное от рубцовой ткани и металлических украшений лицо. Цепь петель соединяла его ухо и нос, а шипастый стержень пронзал обе щеки. Шея была отмечена татуировками, похожими на метки счета убийств, хотя

сказать что-то наверняка в темноте было трудно.

Я впечатал щит в его тело, и он, закричав, пошатнулся. Просунув болт-пистолет в специально сделанный в пробивном щите паз, я почти в упор выстрелил ему в горло. Куски черепа и красной материи забарабанили по моей лицевой пластине, когда голова Пожирателя Миров взорвалась.

Я решительно сделал шаг вперед.

Мы все сделали.

Азоф сплотил нас.

- Держаться! - проревел он. - Сомкнуть щиты!

Они снова набросились на нас, бесноватые, с пеной у рта, словно бешеные псы. Я чувствовал, как мое плечо резонирует от бешеных, частых ударов топора о щит. Оно запылало, и по моей руке распространилось онемение, порожденное чрезмерным мышечным напряжением.

Азоф был неумолим.

- Держаться!

Прошло ещё несколько секунд побоев, прежде чем он произнес:

- Теперь... вперед!

Единые, упорядоченные, решительные, мы двинулись вперед и отбросили своих агрессоров. Их страсть к убийствам сделала их грозными, но расточительными в своих усилиях. Один человек, каким бы опытным и свирепым он ни был, не сможет удержать волну. Сотня человек, если они действуют поодиночке, также окажутся в невыгодном положении.

После своего начального, необузданного налета Пожиратели Миров изо всех сил старались сломить нас. Отогнав их от бреши во взрывозащитной двери, проделанной нашими лазрезаками, мы на несколько метров продвинулись в лабиринт коридоров. В сравнении с ангаром они были тесными, но достаточно широкими, чтобы поставить шесть щитов в ряд.

- Сомкнуть ряды!

Азоф пытался сделать наши действия более упорядоченными. Не имея возможности противостоять безжалостной ярости Пожирателей Миров, это был единственный способ сломить их.

Напирая вперед, я шел плечом к плечу с Морданом и Катусом. Первый был заклятым фаталистом, удивившим всех нас тем, что прожил так долго. Второй был фанатиком, считавшим, что сила приходит от невзгод, и упивавшимся своим призванием Бессмертного. Хотя они могли быть разными, общая решимость, сочившаяся из моих братьев, была в равной степени заразной и возбуждающей. Позади нас я чувствовал желание Азофа стать частью боевой шеренги, доказать несправедливость своего порицания. Его здоровенный и недеформируемый щит находился возле моего левого плечевого щитка. Стойкий как железная опора Сомбрак стоял справа. Ни разу я ещё не видел, чтобы в бою он когда-либо делал шаг назад.

Как и в случае с бывшими званиями, наша принадлежность к кланам тоже была забыта. Быть Бессмертным значит быть одиноким, но, несмотря на эту крайнюю форму покаяния, я чувствовал, как

тесно связан с этими воинами, как будто все они были из Гаарсака, а не со всей Медузы.

Пожиратели Миров безжалостно атаковали нас с новой силой, порожденной яростью. Они продолжали бой, побитые, но не сломленные, настолько же мощные и упорные, какими мы их считали.

Я видел, как они сражаются, ещё когда мы были союзниками, а не врагами.

В тот день я заслужил свой позор на Голтии, во время Великого крестового похода, вскоре после нашего воссоединения с отцом...

Внутри «Ретиария» мы достигли крестообразного перехода, после чего наше продвижение остановилось. Громадный дредноут почти полностью перекрыл своим корпусом лежащий впереди коридор. Неожиданная остановка также побудила Пожирателей Миров атаковать нас с обоих флангов. Наше неуклонное продвижение остановили на стыке переходов, вынуждая нас перестроиться в стреловидный клин.

Катус и ещё трое бросились на чудовищную машину войны.

У дредноута не хватало одной руки, и я предположил, что он находился в самом разгаре подготовки к наземному развертыванию, когда мы пробилась на судно. Вместо этого его перенаправили сюда, чтобы пресечь наше дальнейшее продвижение. Сомбрак нес мелта-заряд. Как и ещё трое Бессмертных в абордажной команде. Если бы нам удалось взорвать эти зажигательные боеприпасы на инжиниаримной палубе, они бы посеяли хаос на «Ретиарии».

Выставив вперед свой щит, Катус принял на него дробящий удар, который отшвырнул легионера к стене. Его силовой ранец разорвался, и небольшой взрыв отбросил воина напрямик на молниевую клешню «Контемптора».

Катус плюнул кровью. Она забрызгала внутреннюю поверхность его шлема и просочилась через трещины в лицевой пластине. Он умер ещё до того, как упал на пол. Болт-снаряды трех других Бессмертных, бросившихся в атаку вместе с Катусом, отскакивали от бронированной шкуры «Контемптора», но они были всего лишь мелкими раздражителями. Дредноут снес двоих своей клешней, пронзив одного через щит и раздавив другого ногой, когда Железнурукый потерял равновесие.

Четвертым Бессмертным был Мордан, единственный, кто остался из группы, вышедшей на бой с чудовищным «Контемптором».

Но он не долго был один. Возрожденная стена щитов бросилась к нему.

Я пытался подавить приступ зависти по отношению к славной смерти своего брата, пока продвигался к дредноуту. Тот снова качнулся, кровь на его энергетических когтях вскипела и наполнила коридор вонью жженой меди. Мордан и я сомкнули щиты, но я чувствовал каждый фунт усиленной поршнями мощи «Контемптора», пронесившейся по моему телу. Она нас обоих поставила на колени.

- Твоя ошибка... - прорычал я, когда Азоф пробрался через оставленный Морданом зазор и разбил голову дредноута своим громовым молотом. И одновременно с этим волкит Сомбрака пронзил его в грудь. «Контемптор» покачнулся, как будто не в состоянии осмыслить незамедлительность своей смерти, и рухнул неактивной кучей металла.

Остальные Пожиратели Миров едва заметили смерть дредноута. Их разум обуяла жажда убийства, и они не остановятся, пока не умрут, или не умрем мы. Впервые с тех пор, как мы высадились на «Ретиарий»,

мысли Железного Десятого и Пожирателей Миров совпали.

Мы преодолели бурю их ярости. Без «Контемптора», разбивающего наши ряды, узкие пространства коридоров стали для нас более подходящими.

- Отбейте! - выкрикнул со своего места Азоф, ныне стоявший в передней боевой шеренге. - Отбейте всё, что они захватили!

Удары молота бились о нашу совместную оборону, но мы держались. Стена щитов держалась, и мы могли продвигаться дальше.

Основание моего щита скребло по полу с каждым тяжело добытым шагом. Мое плечо пылало от необходимости подпирать им щит, чтобы не дать противнику завладеть нашей позицией. Наша сила исходила из сплоченности. Если одно звено не выдержит, то вся наша цепь рассыплется.

Они ударялись о нас, мы отбрасывали их обратно. Каждый раз мы стояли твердо и поглощали воздействие, и с каждым разом Пожиратели Миров становились всё более взбешенными и безрассудными в своих попытках сломить нас.

Нам потребовалось более восемнадцати минут, чтобы убить всех воинов-берсеркеров в лабиринте. Когда всё закончилось, кровь блестела на стенах и заливала палубу у нас под ногами, мы вышли в следующее помещение, усталые, но победоносные.

Я ожидал увидеть инжиниариум. То, что мы там обнаружили, представляло собой нечто совершенно иное.

Широкий откос вел от поднятой переборки секции коридора. Мы взобрались на него, сохраняя порядок и одновременно быстро выравнивая свои ряды. Он привел нас к яме, немногим больше, чем пустому резервуару из простого, окровавленного металла. Её недавно чистили, но некоторые пятна, несмываемое наследие кровопролития легиона, остались.

В яме нас ожидали наши братья-Бессмертные, пронзенные от паха до темени уродливыми железными шипами. Я насчитал тридцать и замешкался от осознания того, сколь немногие из нас вообще смогли добраться до «Ретиария», не говоря уже о том, чтобы умереть на нем.

Я слышал, как сжимаются в бессильной ярости кулаки, слышал бормотание мстительных клятв в отношении Пожирателей Миров. Я держал свои собственные эмоции на замке, но чувствовал, как в глубине меня начинают разгораться угли ярости, подобно горячим, гневным рубцам на моей гордости.

Азоф был прав в своем суждении - эта миссия была самоубийством.

Слава и честь не были привилегией проклятых, а мы были проклятыми людьми. Наш позор сделал нас такими.

Мой позор приговорил меня к такой судьбе. На Голтии.

Это был мрачный, уродливый мир. Мы выступили против кетидов - безволосого, искаженно-гуманоидного чужеродного вида, который, как и многие другие во время пришествия Древней Ночи, поработил местное человеческое население. Глубоко в зияющей пасти долины Джирет мы применили облака фосфекса, чтобы убить серокожих чужаков, но кетиды посредством своей грубой науки сотворили восходящие ветра. Они обратили против нас же наше самое смертоносное и отвратительное оружие.

Как мы горели, зеленое пламя сдирало нашу плоть и превращало наше железо в обгорелое вещество...

Первым умер Кроэн, знаменосец нашей роты. Затем Лэок, Гаррик, Мэй'дег... пока не остались только я, Сомбрак и горстка других. Нашему флангу нанесли серьезный урон, и мы бы, вне всяких сомнений, тоже погибли, если бы не облаченные в синий и белый берсеркеры, нагрывшие сверху.

Мы сражались вместе с ними, но только в роли поддержки. Подразумевалось, что это будет наша общая победа. Пожиратели Миров хвалили нас за мужество. Я стоял подле Варкена Рата, легионера исключительного мастерства, лично поблагодарившего меня за мои усилия. Сомбрак и остальные наши выжившие железородные также получили подобных братьев меча.

Увы, в глазах нашего отца это выглядело совсем по-другому. С тех пор я и ношу прорывной щит.

Я часто размышлял о жестокости этого и о том, как битва за Голтию в своих безрассудстве и свирепости отражает таковую на борту «Ретиария».

На краю ямы нас поджидали Пожиратели Миров. В отличие от побежденных нами в лабиринте, броня этих воинов больше походила на облачение гладиаторов.

Я знал их. Я видел, как они выходят из обгоревших металлических слёз своих капсул глубинного десантирования, через рассеивающийся фосфесковый туман, забравший больше половины моей роты, прежде чем напали чужеродные кетиды.

Свирепые даже тогда, Неистовые теперь сильно изменились.

Они не носили шлемы, открыто демонстрируя свои лицевые татуировки. Цепи и толстые вуали из железных колечек подчеркивали их белую с синим силовую броню, шипы переплелись между звеньями, являясь предвестником будущей, более темной стороны. С головы до ног их покрывала кровь, запекшаяся и затвердевшая на боевой броне из-за невероятного жара инжинариума «Ретиария». Мне не нужны были доказательства, я знал это своим нутром – кровь была медузийской, выжатой из измученных тел наших братьев в яме.

Один Неистовый выделялся среди остальных. Вначале я подумал, что он кивнул в сторону всех нас. И лишь затем понял, что на самом деле воин указывал только на меня.

- Галлик... - В гулком помещении его голос гремел, отражаясь от ямы и устилавших её стены разбитых прорывных щитов. - Вот мы и встретились. - Он казался почти что радушным, приветственным.

В какой-то степени он и был таковым. Или же, скорее, вызывающим.

Это был Рат. Вне всяких сомнений. Мой бывший товарищ по оружию. Это было простым определением генетически улучшенного орудия войны, которым он вовсе не являлся. Рат был образцовым фехтовальщиком и сжимал в каждой руке по клинку, словно в доказательство этого. Мне оно было ни к чему. Этими клинками он потрошил кетидов как свиней. Они назывались фалаксами. По крайней мере, так сказал мне Рат.

- Если ты хочешь попасть в инжинариум, то тебе придется пройти через это поле битвы, - сказал он, хладнокровно указав на яму, где они закололи и убили наших братьев. После чего снова кивнул мне. - Я дарю тебе славную смерть. Ты заслужил это право.

Я хотел раздавить его. За его ненамеренную снисходительность и тот варварский способ, которым его род обошелся с моим. В его небрежном смехе я почти услышал, как рвутся наши узы меча.

- Некоторые ещё живы! - воскликнул Сомбрак, ткнув пальцем в Бессмертного, подергивающегося на своем металлическом вертеле.

- Кровь Медузы! - Перчатки Мордана затрещали, крепче сжав рукоятку щита.

Рат улыбался. Все Неистовые улыбались.

Азоф увидел достаточно.

- Убить их! Отомстить за павших! - взревел он, и все Железнодорожники нашей медленно сокращающейся роты выхватили мечи и тяжелые булавы.

В ближнем бою мы отомстим Неистовым за их деяния.

Наш отчаянный штурм подошел к концу. Всё, что у нас осталось - возмездие и, как верили некоторые, последний шанс на славу. Наш бессмертный долг.

Варкен Рат бросается в бой в кровавой яме

К боевой чести Пожирателей Миров стоит отметить, что они дождались, пока мы прошли половину ямы, прежде чем броситься в бой.

И вот тогда мы схлестнулись. Не было ни порядка, ни единства. Только кровь.

По численности мы превосходили Неистовых в отношении два к одному, но этот перевес резко сократился в первые же восемь секунд боя.

Пока я приближался к Рату, ненадолго объединившись с Морданом для убийства одного из Неистовых и тут же увидев, как Пожиратель Миров в ответ выпотрошил одного из моих братьев, то счел весьма вероятным тот факт, что нам позволили зайти так далеко. Что нас вытянули сюда ради перспективы хорошего боя. Возможно, Ангрону требовалось пустить кровь своим психотикам, прежде чем спускать их с цепи?

Я рассудил, что эта заносчивость погубит их.

Я встретился с Ратом в центре арены. При мне по-прежнему был мой щит – он стал бы существенным препятствием для парных фалаксов моего противника – но вместо зачехленного пистолета я извлек гладий.

Клинок против клинка. Этого требовала честь.

По началу Рат, казалось, оценил этот жест, но затем его лицо застыло в выражении чистой, неистовой ярости. Его глаза расширились, а спонтанно лопнувшие вены окрасили склеру в насыщенный кроваво-красный цвет. От человека не осталось и следа; теперь в нем был только зверь.

Почти три минуты он бил по моему щиту, пока я отчаянно защищался. Пожиратель Миров остановился, только когда Сомбрак попытался напасть на него и выручить меня. Несмотря на свою ослепленность жаждой убийства Рат инстинктивно ответил на угрозу. Он наполовину отбил удар Сомбрака и позволил клинку вонзиться в бок. Другим фалаксом он отсек моему брату голову.

Я ссутулился, слишком уставший, чтобы воспользоваться отвлеченностью Рата. Мой прорывной щит раскололся пополам, державшая его рука онемела и стала свинцовой. Я видел, как тело Сомбрака упало на колени, а его голова откатилась в тень.

После чего ликующий от убийства Рат повернулся и снова напал на меня.

На этот раз не было никаких боевых приемов. Рат опьянел от жажды убийства.

Его фалакс взметнулся вверх, и я изогнулся, принимая удар на свой плечевой щиток. Клинок попал в уязвимое соединение между металлическими пластинами брони и на всю длину вонзился в переплетение идущих под ними кабелей, рассекая мою плоть. Мгновенно хлынула кровь. Я чувствовал, как она затекает мне в подмышку и липнет к груди.

Второй клинок я заблокировал и отбил в сторону, после чего нанес колющий удар, от которого мой гладий на две трети погрузился в диафрагму Рата.

Ослабляющая рана, призванная замедлить врага и, в конечном счете, вывести его из строя. Рат не выказывал признаков ни того, ни другого. Мы были совсем близко друг от друга. Я чувствовал его гробовое дыхание. Жестокий удар головой разбил мою лицевую пластину, расколол ретинальные линзы и засыпав лицо осколками стекла. Удар локтем поставил меня на колени, после чего Рат вонзил фалакс мне в бок, где тот застрял подобно гвоздю.

Я закричал. Он взревел.

Конец был близок, а мой бессмертный долг, наконец, уже почти отдан. Я увидел свой прорывной щит, разбитый на куски и брошенный на палубу. К нему присоединились другие щиты и тела моих братьев.

Мы не должны были ломать строй, не должны были поддаваться ненависти и ярости. Истинно нашими были холодный расчет, благоразумие и нерушимость тактической логики. Мы согрешили, и теперь

пришло время искупления.

Склонив голову, я почувствовал, как по моему телу разливается холод. Сопоставимый со слабым, бестелесным ощущением моей кибернетики.

Но удара не последовало. Моя голова осталась на плечах.

Вместо этого я услышал гудение клаксонов аварийных сирен, в то время как арену залило резким красным светом.

Азоф с боем вырвался из ямы. Он был изранен, его громовой молот покрывала кровь, но сержант по-прежнему стоял на ногах. Он разгерметизировал помещение, сбрасывая всё в пустоту.

Пожиратели Миров не чистили яму перед боем. Они продували её с помощью вакуума космоса. Мой брат нашел механизм и сделал это снова, только теперь уже с нами и нашими врагами.

За те несколько секунд, что у меня оставались, я увидел на лице Азофа мрачное смирение. Не такого конца он желал.

А затем меня выдернуло давлением вырывающегося газа. Из-за отсутствия воздуха и силы тяжести я не чувствовал ничего, кроме легкости. Стремительный выдох корабля унес последний вызывающий рык Рата, заглушив голос воина в темном беззвездном космосе. Пожиратель Миров попытался ударить меня с разворота – не из жалкой безнадежности, а принужденный тем, что подпитывало его ярость – но медленно опускающийся фалакс прошел мимо цели.

Лазерные вспышки прорезали тьму, пронзая нас своими ослепительными лучами. Рата порвало в клочья так же, как и моих братьев. Я увидел, как пронзило в грудь Азофа, после чего скользящим ударом задело меня.

Я завертелся, исчезая в бесконечной пустоте. Просто ещё один кусок мусора.

Передо мной раскинулось зрелище сражающихся звездолётов, ужасное и прекрасное одновременно. Бортовые залпы рассекали километры космоса. Расцветали взрывы, жалкие в своем безмолвии. «Горгонеска» накреньялась, её двигатели заглохли, а щиты и броня оголились.

Дойдя до критического состояния, её варп-двигатели стали похожи на рассвет маленького солнца, беззвучную вспышку удивительного света, опалившего мои сетчатки. Из-за давления ударной волны я пришел в движение, мою броню продолжал покрывать иней, даже когда я почувствовал взрывной ожог последнего драматичного вздоха «Горгонески».

– Я мало что помню после этого, – сказал я своим обвинителям. Передо мной вновь предстала чёрная палуба «Стойкого», когда я оставил воспоминание о «Ретиариусе» позади, – кроме того, как пришел в себя в вашем аптекарионе и меня привели в этот ангарный отсек для скорого суда. – Я не смог сдержать горечь в своем голосе.

– Ты считаешь, что с тобой жестоко обращались, легионер Галлик?

Я отказался отвечать, моя голова согнулась под холодной тяжестью лезвия топора на моей шее. Мёртвые взгляды моих застывших на палубе обезглавленных братьев, казалось, насмеялись надо мной. И я собирался присоединиться к ним.

- Прежде, чем вы убьете меня, - наконец произнес я, - скажите мне, мы прорвали блокаду?

Мой обвинитель вышел вперед, в свет. Я услышал, как он сделал рукой какой-то жест - раздалось жужжание старых сервоприводов запястья или же локтя - и почувствовал, что давление на мою шею ослабло. Я посмотрел в лицо железного отца, но не узнал его.

Он был весь в шрамах, его левая щека и часть черепа тускло блестели в полумраке. Подобная проволочному войлоку плотная седая борода была острижена, на выступающем властном подбородке осталась только похожая на наконечник копья бородка. Почтенный железный отец смотрел на меня так, словно я был грязным маслом, которое ему нужно соскрести со своих оружий.

- Мы потерпели неудачу, - ответил он. - Мы были слабы.

С ним были ещё двое, Саламандр и Гвардеец Ворона.

- Это варварство... - Несмотря на низкий гул импульсных двигателей «*Стойкого*», отчасти перекрывавший его голос, я услышал ворчание сына Вулкана. Его глаза вспыхнули, как раскаленные угли.

Гвардеец Ворона осторожно поднял руку, предупреждая Саламандра, чтобы тот умолк, и они вместе сделали шаг назад. Это было дело Железных Рук, проводимое в соответствии с медузийскими обычаями так, как нас научил наш отец.

Мне оказалось нелегко осмыслить сложившуюся ситуацию: неуместное присутствие воинов других легионов, фаталистический настрой, исходивший от железного отца. Кроме того, была ещё и последняя личность, мой потенциальный палач, казавшийся мне знакомым, и это всколыхнуло во мне беспокойство, которому я в то время не мог найти объяснения.

- Тогда каковы приказы нашего примарха? Гор побежден? Или мы всё ещё сражаемся за Исстван? - У меня было так много вопросов. - Что с «*Ретиарием*»?

Железный отец печально покачал головой.

- Всё кончено, легионер Галлик. Ты единственный пережил атаку на «*Ретиарий*». Война за Исстван завершилась. Мы потеряли... - Он остановился, как будто предупреждая меня о грядущем ударе, чтобы я смог к нему подготовиться. - Феррус Манус мёртв.

- Мёртв? - Я попытался встать с колен, но сильная рука удержала меня. - Отпусти меня! - Я вырвался и развернулся, чтобы встретиться с безумными глазами старого друга. На мгновение все мои прочие заботы исчезли. - Азоф?

Он никак не отреагировал на то, что я только что произнес его имя. Я думал, что он погиб, и, тем не менее, он оказался здесь, на борту «*Стойкого*». Но что-то с ним было не так. Его плоть выглядела мёртвой и холодной, как и лежащие передо мной отрубленные головы. Пламя Азофа погасло. Его выражение лица и вены наполнились льдом. Передо мной с топором в руках стоял покойник, мёртвый и всё же живой, но совершенно не похожий на воина, которого я когда-то знал.

- Что вы с ним сделали?

- То, что было необходимо. Гор победил нас, рассеял нас. *Расколол* наши легионы.

Оглянувшись на железного отца, я увидел в его руках свой прорывной щит. Он был перекован и

восстановлен, тогда как сами мы дали трещину.

- Ты согрешил, - сказал он мне, - и посему ты должен искупить...

Я, ошеломленный только что услышанными откровениями, молча принял протянутый мне щит.

Железный отец встретился со мной взглядом, и в его глазах я увидел решимость, горечь и иссушающую душу жажду мести.

- *Такова судьба всех Бессмертных...* - промолвил голос позади меня. Голос Азофа, эхо нашего проклятия.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Бессмертный_долг_/Immortal_Duty_\(рассказ\)&oldid=20335](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Бессмертный_долг_/Immortal_Duty_(рассказ)&oldid=20335)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 09:29.